

УДК 81'38

ВЕРОЯТНОСТНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНО НЕПРОЗРАЧНОГО ТЕКСТА

Екатерина Андреевна Смердова

аспирант кафедры общего языкознания

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. kallioipa06@gmail.com

В статье представлены инструменты создания референциально непрозрачного текста и алгоритм его интерпретации. На материале «Кибериады» Станислава Лема показано, что референциальная неопределенность как стилистический прием есть результат серии языковых игр, прежде всего, неререферентного употребления имен объектов возможного мира, не определенных читателем интертекстуальных отсылок и создания текста на границе нескольких жанров – научно-фантастического рассказа, сказки и философского повествования. Жанровая интерференция приводит к тому, что читатель вынужден использовать несколько способов интерпретации, что, в свою очередь, повышает референциальную неопределенность текста. Интерпретация такого текста может быть только вероятностной. Алгоритм анализа включает ряд последовательных действий, а именно выявление системы фильтров, через которые «пропускаются» неререферентные знаки с целью вероятностного «воссоздания» их референтов.

Ключевые слова: вероятностная интерпретация; неререферентный знак; референциальная непрозрачность; Станислав Лем; фильтры интерпретации; языковая игра.

Вероятность оказывается тем окном,
через которое мы можем всматриваться
в семантический мир.
Василий Налимов

Интерпретация текста позволяет свести его прочтение к некоторому «управляемому формату». Особенно интересно обнаружить (или создать) такой формат для текстов, находящихся в состоянии семантической неопределенности [Эко 2005: 15]. В контексте семиотики Ч. Пирса интерпретация знака сводится к операции соотнесения его носителя и референта (включая и способ его отображения). Основная причина семантической неясности высказывания, или «размытости» его значений, – референциальная непрозрачность, т. е. невозможность «видеть» стоящий за знаком референт и однозначным образом соотнести высказывание с замещающей им ситуацией [Куайн 2000: 114]. Основные задачи данного исследования: определить инструменты создания семантической неопределенности высказываний в цикле Станислава Лема «Cyberiada» («Кибериада») [Lem 1966: 2012]1, показать, что интерпретация этих текстов может носить только вероятностный характер, вывести алгоритм интерпретации неререферентных знаков.

I

По Лему, языки человечества и разум индивида – это ведущие инструменты не только адаптации человека к миру, но и трансформации реальности. Работая как «творящий конструктор», язык стирает грань между мирами: вещным и сотворенным (семиотическим). Поэтому человек живет не столько в физической реальности, сколько в пространстве знаков (интеллектуальной сети). Такова основная идея «Кибериады».

Рассказы, составившие впоследствии единый цикл, публиковались Лемом начиная с 1964 г. Они объединены главными героями – конструкторами Трурлем и Клапауцишем, чья специализация – создание машин, обладающих человекоподобным искусственным интеллектом. Машин, например, могут создавать любые предметы, название которых начинается с буквы N («Как уцелел мир»), или обладают способностью текстопорождения, затмевая славу «настоящих» поэтов («Экспедиция первая, или Электрибалт Трурля»). В мире Лема люди не просто создают роботов, но уже вынуждены сосуществовать с ними. Будучи самонастраивающимися и самосовершенствующимися системами, роботы «постепенно превращались из объекта в субъект, из построенной машины – в собственного строителя, из титана в оковах – в суверенного властелина» [Лем 2004б: 323]. Обретая независимость от

своих создателей, машины бунтуют и даже делают попытки убить их («Машина Трурля»). Интересно, что на базе в том числе и этого, казалось бы, художественного цикла Лем впоследствии напишет книгу философских эссе «Молох» и повесть о суперкомпьютере Големе, посвященные вопросам искусственного интеллекта и мира как информационной среды [Лем 2005; Лем 2004а].

Возможный мир, создаваемый Лемом, не отличается детализацией, поскольку автора интересуют исключительно теоретические вопросы: например, порог разумности, к которому создатель должен подвести систему, с тем чтобы далее она обрела интеллектуальную автономность. Однако, говоря о функционировании и возможностях машин, Лем может вскользь упомянуть и некоторые странные объекты действительности: *пчмы, камбузели, недоступки* и др.:

Świat wyglądał wręcz przeraźliwie. Zwłaszcza ucierpiało niebo: widać było na nim ledwo pojedyncze punkciki gwiazd; ani śladu prześlicznych gryzmałów i gwajdolnic, które tak dotąd upiększały nieboskłon!

– Wielkie nieba! – zakrzyknął Kłapaucjusz. – A gdzie są kambuzele? Gdzie moje murkwie ulubione? Gdzie pčmy łagodne? [Лем 2012: 183]

Мир выглядел просто устрашающе. Особенно пострадало небо; на нем виднелись лишь одинокие точки звезд – и ни следа прелестных грызмаков и гвайдолниц, которые так украшали раньше небосвод.

– О небо! – воскликнул Клапауциш. – А где же камбузели? Где мои любимые муркви? Где кроткие пчмы? (Здесь и далее перевод наш. – Е. С.)

С лингвистической точки зрения, знаки *пчмы* (*pčmy*), *муркви* (*murkwi*) – это псевдослова. Они отсутствуют в словарях польского языка, однако обладают фонетической оболочкой, грамматическими показателями, функционируют в качестве членов синтаксических конструкций. Но что стоит за ними во внеязыковом мире? Предметы или существа? Как выглядят эти объекты отображения, каковы особенности их существования? Встреча с такими знаками создает для читателя ситуацию референциальной непрозрачности и семантической неясности. Поскольку Лем намеренно не вводит в тексты дескриптивные описания референтов, т. е. не интерпретирует лексические значения своих псевдослов, то для читателя интерпретация знаков без референтов превращается в игру с вероятностным результатом.

Второй причиной вероятностной интерпретации текстов данного цикла становится еще один стилистический прием Лема: интерференция

жанров. «Кибериада» – это научно-фантастический рассказ с философскими включениями и одновременно сказка с элементами летописного повествования. Идеальный, по У. Эко, читатель приступает к интерпретации, располагая багажом априорных знаний о стилистических конвенциях различных типов нарративов. Но поскольку Лем создает тексты на пересечении нескольких жанров, выбор «ведущего» жанра («Кибериада» – это в большей степени научно-фантастический рассказ, сказка или философское повествование) остается за каждым читателем в отдельности. В качестве причины невозможности обозначить четкие семантические границы лемовского текста назовем также интертекстуальные отсылки, которые автор намеренно оставляет неопределенными. Все отсылки носят исключительно ассоциативный характер, и их интерпретация, соответственно, будет зависеть от объема текстовой памяти читателя.

II

Каждое положение дел в мире (ситуация) развивается во времени и в пространстве, т. е. имеет некоторый результат, или исход. Все сложные системы организованы таким образом, что результат развития и их самих в целом, и их элементов нельзя описать однозначным образом. *Вероятность* – это термин, обозначающий величину наиболее вероятных исходов некоторого события [Гмурман 2010: 19]. С помощью вероятностного метода прогнозируются различные события: от частоты землетрясений до возможности выпадения шестерок в игре в кости. Во всех отраслях науки, где объектом исследования является ряд/система равновероятных событий, применяется вероятностный метод: в математике и статистике [Пуанкаре 1999], теории игр и лингвистике [Ерофеева 2005 и др.]

Современная лингвистика все чаще использует *вероятностный анализ* языка, созданный В. В. Налимовым [Налимов 1979]. В основе метода Налимова лежит утверждение, что смысловое пространство знака в словаре / тексте представлено в виде семантического поля, элементы которого упорядочены по линейной шкале [там же: 74]. Все возможные значения знака составляют континуум спрессованных смыслов. В акте употребления знака / его интерпретации происходит «распаковка смыслов»: выдвигание вперед или одного определенного значения, или размытой системы нескольких значений. В любом случае эти варианты становятся вероятностным итогом коммуникации интерпретатора с текстом.

Интерпретация знака определяется многоаспектным контекстом-дискурсом: от непосредственного контекстуального окружения слова до

ситуации, в которой происходит интерпретация, и текстовой памяти интерпретатора. Отсюда, «элемент случайного входит в наше речевое поведение, накладываясь на логическую структуру» [Налимов 1979: 74], а сама вероятностность приобретает субъективный характер:

«"Приемник" имеет в своем сознании некоторое представление о возможных смысловых значениях знака, – одно из них имеет большую вероятность появления, другое – меньшую и т.д.» [Налимов 2000].

Обратимся к нашей непосредственной проблеме: интерпретации референциально непрозрачных высказываний. Будем исходить из того, что вероятностная природа интерпретации характерна для знаков различного уровня сложности: слов, высказываний, текстов. На первый взгляд кажется, что интерпретацию лемовских «слов» невозможно совершать как логическую операцию разложения их семантики на элементарные семы. Действительно, какое значение приписывается знакам *gryzma* (*грызмаки*), *gutindy* (*рымунды*) или *gwajdólnicy* (*гвайдольницы*)? Если таких лексем нет в словаре польского языка, то значит ли это, что они автоматически становятся не-знаками? Нет. И, прежде всего, потому, что *мурквы* и *пчмы* возникают как результат языковой игры самого автора. Создавая знак, Лем намеренно скрывает от читателя направление его референции: *Где мои любимые мурквы? Где нежные пчмы?* Особенность лемовских игр с языком в том, что контекст (*любимые, нежные*) не позволяет читателю представить в деталях объекты отображения, что и делает высказывание референциально непрозрачным. Попытка «увидеть», как выглядят *нежные пчмы*, приводит лишь к развилке возможностей, что связано с многозначностью определения. Что значит «нежные»: проявляющие любовь, тонкие на ощупь, физически слабые? В таком контексте референт знака *пчмы* по-прежнему остается для читателя непроявленным. Мы можем допустить (и, скорее всего, это именно так), что сам Лем мог обладать вполне отчетливыми представлениями о том, как выглядят *пчмы* и другие объекты его возможных миров. Для читателя же процесс интерпретации превращается в определение наиболее вероятностных (ожидаемых) значений. Но как они возникают?

Для формализации вероятностной интерпретации языковых знаков Налимов обращается к теореме Бейеса: $p(y/\mu)$, где y – все возможные значения знака, μ – выбранные интерпретатором значения, а p есть контекст интерпретации, позволяющий производить операцию распределения значений в сознании интерпретатора. Еще раз подчеркнем: вероятность обнаружения того или иного значения знака зависит от *контекста*

интерпретации. Контекст актуализирует значение, определяя направление мысли читателя. Для референциально непрозрачных высказываний можно выделить ряд *контекстуальных актуализаторов значений*, выполняющих роль *фильтров интерпретации*. Пропуская лемовские «псевдослова» через эти фильтры, мы получаем в остатке некоторые «фрагменты» их семантики. В нашем случае в качестве таких фильтров выступают:

- фонетические ассоциации, позволяющие связывать звуковые оболочки псевдослов со словами польского языка;

- грамматические актуализаторы, позволяющие проводить морфемный анализ псевдослов, анализировать их как морфологические формы и члены синтаксических конструкций.

На уровне интерпретации всего текста можно использовать фильтр, выявляющий интертекстовые значения, а также выбирать конвенции для анализа жанровых особенностей текстов. Фильтр интертекстовых значений позволяет соотнести данный знак (или текст-знак) со знаком из другого текста (с другим текстом-знаком) на основании маркеров интертекстовых взаимодействий (имя собственное, референтно употребленная дескрипция, топоним и т.д.)

Таким образом, вероятностная интерпретация предполагает, что, «пропуская» текст через систему обозначенных фильтров, отталкиваясь от уровня языковой компетенции и объема текстовой памяти, читатель получает его *вероятностное понимание*. В ходе интерпретации референциально непрозрачных текстов читатель, в определенном смысле, становится соавтором:

«Постулирование сотрудничества, сотворчества читателя – это вовсе не осквернение структурного анализа текста внетекстовыми элементами. Читатель как активное начало интерпретации – это часть самого процесса порождения текста» [Эко 2007: 10].

Фонетический и грамматический фильтры, как уже было сказано, предназначены для интерпретации псевдослов, взятых в качестве лексем и грамматических форм. В «Кибериаде» функционируют 56 нереперентных знаков. Среди них, например: *apelajda* (*анеляйда*), *apentula* (*апентула*), *bajta* (*байта*), *bamba* (*бамба*), *browajka* (*бровайка*), *chrzęskrzyboczek* (*хшенскишбочек*), *dogremnie* (*догремне*), *filidrony* (*филидроны*), *graszaki* (*грашаки*), *greni* (*грени*). Обнаруживая в тексте знаки без референта, читатель неизбежно включает их в пространство словаря и грамматики того языка, на котором написан данный текст. Такой, казалось бы, парадоксальный шаг объясняется двумя причинами:

- читатель принимает правила языковой игры, предложенной ему автором. В частности, читатель допускает, что любой вербальный знак ав-

торского текста указывает на какой-либо референт, а значит, может быть интерпретирован. Отсюда, терминологическое обозначение «нереферентный знак» очень условно и гораздо точнее говорить о псевдословах Лема как о знаках с непрозрачной референцией;

- все вербальные знаки авторского текста, написанного на польском языке, должны интерпретироваться в системе польского языка.

Так, референт знака может «воссоздаваться» на основании обнаружения морфемной «идентичности» у псевдослов и слов польского языка: речь идет как о звуковой близости морфем, так и их функциональной тождественности. Например, в знаках *filidrony* (филидроны), *pćmy* (пчмы), *plukwy* (плюквы) по аналогии со словоформами *filmy* (фильмы), *kanty* (края) мы выделяем флексию -у со значением множественного числа имен существительных, относящихся к классу женско-вещных форм. В псевдослове *nędzioły* можно обнаружить фонетическое созвучие с польским корнем *nędz-*, а значит, допустить вероятностную связь нового знака с гнездом: *nędza* – нужда, нищета, бедность, *nędźni-k(-ca)* – негодяй(ка), *nędźny* – жалкий, убогий, ничтожный, исхудалый [Słownik języka polskiego PWN].

Морфемный анализ лемовских псевдослов сходен с процессом последовательного выдвижения ящичков в старинном буфете или комод. Выдвигая ящичек, мы обнаруживаем там какой-либо предмет, т. е., по крайней мере, получаем информацию о функциональном назначении ящичка. Так и с лемовскими словами: процесс выделения морфем в псевдослове заставляет нас искать аналогию с фонетически близкими (или тождественными) морфемами польского языка. Именно в этом процессе мы получаем вероятностное представление о семантике каждой морфемы в отдельности и псевдослова в целом. Грамматический фильтр позволяет безошибочно определять не только частеречную принадлежность новых «слов», но и их синтаксический потенциал.

Вот еще примеры. Лемовский знак *gryzmaki* созвучен с польским глаголом *gryźć*, что позволяет выделить корневую морфему *-gryz-* (*-gryz-*). Далее, ориентируясь на морфемный фонд польского языка, выделяем суффикс со значением лица, используемый для наименования лиц по профессии, роду занятий и др.: (*-ak*). По аналогии со словоформами *maski* (*маски*), *obarzanki* (*баранки*) находим флексию множественного числа имени существительного -i. Итоговая информация о псевдослове *gryzmaki*: этот знак замещает класс / группу объектов, т. е. является существительным в форме множественного числа именительного падежа. Поскольку на стыке основы и флексии не происходит чередования,

допускаем, что это женско-вещная форма, обозначающая, например, группу лиц женского пола (в лично-мужской форме существительное выглядело бы как *gryzmaczy*).

Знаки *kambuzele*, *ściśnięta* и др. в следующем предложении выполняют функцию его субъекта:

- Ależ to... – zaczął przestraszony Klapaucjusz i w tej chwili zauważył, że istotnie już nie tylko na n nikną różne rzeczy: przestały ich bowiem otaczać, *kambuzele*, *ściśnięta*, *wytrżopki*, *gryzmaکی*, *rymundy*, *trzepce* i *pćmy* [Lem 2012: 182–183].

Но ведь... – начал испуганный Клапауциш и в тот момент заметил, что не только исчезли существа на букву «Н», но также перестали существовать *камбузели*, *стисненнты*, *вытшиопки*, *грызмаки*, *римунды*, *трепцы* и *пчмы*.

Определение синтаксической роли знаков позволяет читателю создавать модель ситуации, отображаемой высказыванием, выявляя активных и пассивных «персонажей» события (субъекты в противопоставленности объектам), пространственную конфигурацию объектов, направленность действия субъектов и др. Одновременно включением псевдослов в текст создается эффект «достоверности» тех объектов, которые они замещают. С этой точки зрения, читателю не следует сомневаться в том, что ранее в описываемом мире действительно присутствовали *камбузели*, *стисненнты*, *вытряски*.

Следующие фильтры интерпретации выводят нас в пространство отдельного высказывания и текста в целом. Речь идет об **интертекстовом анализе и жанровых конвенциях повествования**. Интертекст является регулятивным механизмом интерпретации, но характер и степень прочтения отсылок к другим текстам определяется филологической эрудицией читателя, обширностью его энциклопедии:

«Семантика каждого конкретного текста задается своей функцией распределения (плотностью вероятности) <...> В тексте смыслы всегда оказываются заданными избирательно. Нам не дано знать все. <...>. Вероятность оказывается тем окном, через которое мы можем всматриваться в семантический мир» [Налимов 1995].

Степень неопределенности прочтения интертекстовых отсылок особенно возрастает в том случае, если автор намеренно оставляет их непроясненными, не указывая, например, источник жанрово-стилистического влияния. Так, в цикле «Кибериада», с нашей точки зрения, заметно влияние философских повестей Вольтера. И Лем, и Вольтер используют композиционный прием взгляда со стороны. У Вольтера на землян смотрят сатурниец Микромегас («Микромегас»), ан-

гел Бабук («Мир, каков он есть, видение Бабука, записанное им самим»); кривой ключник взирает на богатых и властных светских дам («Кривой ключник») и т.д. [Вольтер 1998]. А в рассказах Лема роботам приписываются типичные человеческие качества: трусость, хитрость, остроумие, гордыня. Читатель получает возможность посмотреть на себя со стороны, на то, как человеческие качества уживаются с механизированной рациональностью роботов.

Название лемовского цикла («Кибериада») созвучно с «Илиадой» Гомера. Отношения между конструкторами и роботами похожи на отношения между небожителями-олимпийцами и людьми. Лемовские конструкторы Трурль и Клапауциш – истинные демиурги технологической Вселенной. Однако их отношения с собственными творениями – разумными машинами – далеко не безоблачны. Как и у Гомера, на определенном этапе эволюции все сотворенное неизбежно стремится к автономному существованию, восстаивая против своих создателей.

В число возможных источников влияний можно включить и Библию, и работы по философии языка. Речь идет об одном из значимых для Лема положений: мир творится по Слову, все возможные миры – миры лингвистические, текстовые, а сам язык есть автономный генератор метафизики [Лем 2005: 107]. Не случайно, что креативной лингвистической способностью обладают, в свою очередь, и те, кто сам был сотворен по Слову. В этом контексте Лем говорит о роботе Электрибальте, у которого практике создания новых Вселенных предшествует «лингвистическая разминка» – написание стихов:

Ciemność i pustki w ciemności obroty
Ślad dotykalny, ale nieprawdziwy,
I wiatr, jak halny, i wzrok jeszcze żywy,
I krok jak gdyby wracającej rotu
[Lem 1966: 224].

Тьма и пустота во мраке возвращенья
Однако ложен след прикосновенья,
И ветер, словно шторм, и взгляд еще живой,
И шаг, как будто войско возвращается домой.

Говоря о возможности интерпретировать «Кибериаду» в дискурсе текстов Вольтера, Гомера, в контексте библейских источников, мы констатируем следующее: а) Лем не дает прямых указаний на эти тексты; б) их выбор – результат межтекстовых сближений, принадлежащий автору данной статьи. Соответственно, интертекстовое прочтение Лема в данном случае следует признать вероятностным.

Это же относится и к интерпретации жанровых особенностей «Кибериады». Несмотря на то что этот цикл традиционно относят к жанру на-

учно-фантастического рассказа [Jarzębski 2012], в нем актуализированы стилистические особенности сказки и летописи. Сказка для Лема – это имплицитный способ ответить на сложнейшие вопросы о природе мироздания: есть ли Бог, в чем заключается тайна Творения и чем естественное отличается от искусственного? Сказка позволяет Лему в доступной форме описать философские понятия вроде *Ничто*. В рассказе «Как уцелел мир» машина Трурля умеет создавать вещи, начинающиеся с буквы Н. И это не только вещи физической природы (*нити*), но и объекты иной онтологии, к которым и относится *Ничто*. Как же машина творит такой объект? Она производит *Ничто*, уничтожая все существующее [Lem 2012: 178–186]. Трудно однозначно интерпретировать этот фрагмент текста. Возможно, это лемовская ирония по поводу философского спора об онтологическом статусе универсалий. Но, скорее, здесь Лем отвечает на вопрос о том, почему же у робота не возникает даже тени сомнения по поводу возможности создания *Ничто*. Дело в том, что машина рассматривает этот объект не как философскую универсалию, а в рамках языковой системы: ничто (*nic*) как отрицание. Отсюда и действия машины – для создания *Ничто* следует последовательно *уничтожить все*.

«Нарративный тип» репрезентации (сказки, мифы, легенды) – это надежный и удобный способ передачи и хранения информации в культуре:

«Исчезли египтяне, хранители первоначального языка, совершенного и божественного, но остался миф, текст без кода или с утраченным кодом, над которым мы неустанно бдим, тщась постичь его тайный смысл» [Эко 2007: 185].

Летопись событий, происходящих с Трурлем и Клапауцишем, добавляет возможному текстовому миру достоверности, реалистичности. Читатель погружается в хронику событий далеких космических цивилизаций. Но в итоге прочтение «Кибериады» как, в большей степени, сказки-летописи или научно-фантастического повествования определяется установками самого читателя, что вновь возвращает нас к вопросу о вероятности интерпретаций.

III

Подведем итоги, определив *границы вероятностной интерпретации* референциально непрозрачного текста.

Текст, в который автор включает псевдослова, не может считаться неинтерпретируемым, а сами псевдослова не столько теряют сущностные признаки знака, сколько «скрывают» их. Как пишет Б. Успенский, предложения, которые только частично или полностью состоят из псевдослов (*Глокая куздра ...* и др.), «выглядят как уравнение

со всеми неизвестными, где заданы отношения между символами, но конкретные значения их не раскрыты» [Успенский 2007: 188]. В лемовских текстах действительно грамматические характеристики псевдослов позволяют воспринимать достаточно четкую логическую картинку. Например, за знаком *zamry (znikły)* стоит класс / группа неизвестных объектов (о чем говорит показатель множественного числа существительных). Это объекты, не относящиеся к классу лиц мужского пола (женско-вещная форма существительных множественного числа), и др. Анализ морфологических и синтаксических значений знака позволяет частично «воссоздать» его лексическое значение и вписать объект отображения в текстовую картину мира. Таким образом, по отношению к псевдословам читатель занимает вполне определенную позицию: соблюдает презумпцию семиотичности, осмысленности. Дискурсивные связи «Кибериады» с другими текстами культуры, устанавливаемые конкретным читателем в конкретном акте чтения, – это также способ расширить границы вероятностной интерпретации.

Мы приходим к выводу о том, что интерпретация референциально непрозрачного текста возможна только как вероятностная. В каждом случае (не исключение и наша интерпретация «Кибериады») читатель исходит из своего уровня языковой компетенции (подчеркнем, что, как и в нашей ситуации, язык текста может даже не быть родным) и объема текстовой памяти. Таким образом, интерпретация происходит с опорой на дискурсивные внетекстовые факторы, которые и дают читателю ключ вероятностного доступа к авторским кодам.

Примечания

¹ В статье рассматриваются пять рассказов цикла: «Jak ocalał świat» («Как уцелел мир») [Lem 2012: 178–186], «Maszyna Trurla» («Машина Трурля») [там же: 186–202], «Wielkie lanie» («Большая трепка») [там же: 202–211], «Wyprawa pierwsza A, czyli Elektrybałt Trurla» («Экспедиция первая А, или Электрибалт Трурля») [Lem 1966: 213–224], «Wyprawa szósta, czyli jak Trurl i Klaraucjusz demona drugiego rodzaju stworzyli, aby zbójcę gębona rokonać» («Экспедиция шестая, или Как Трурль и Клапауциш сотворили демона второго рода, чтобы грабителя губона победить») [там же: 224–237]. Далее везде названия текстов будут приводиться только в русском переводе.

² Первые рассказы из цикла «Кибериада» были опубликованы в составе «Сказок роботов»: «Как уцелел мир» [Lem 2012: 178–186], «Машина Трурля» [там же: 186–202], «Большая трепка» [там же: 202–211].

Список источников

Lem St. Bajki robotów. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1983.

Lem St. Bajki robotów. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2012. 224 s.

Lem St. Ratuśmy kosmos i inne opowiadania. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1966.

Список литературы

Вольтер Собрание сочинений: в 3 т. М.: РИК Русанова – Литература – Сигма-Пресс, 1998. Т. 1. 717 с.

Гмурман В. Е. Теория вероятностей и математическая статистика: учеб. пособие. М.: Изд-во Юрайт, 2010. 479 с.

Ерофеева Е. В. Вероятностные структуры идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 320 с.

Куайн У. Слово и объект. М.: Логос; Практис, 2000. 386 с.

Лем С. Голем XIV / пер. с польск. К. Душенко // Лем С. Библиотека XXI века. М.: АСТ, 2004а. С. 303–441.

Лем С. Молох / пер. с польск. М.: Транзиткнига, 2005. 781 с.

Лем С. Фантастика и футурология: в 2 т. М.: АСТ, 2004б. Кн. 1. 591 с.

Налимов В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М.: Наука, 1979. 303 с.

Налимов В. В. Вселенная смыслов. 1995. URL: <http://v-nalimov.ru/articles/100/460/> (дата обращения: 20.04.2013).

Налимов В. В. Этюды по истории кибернетики (Предтечи кибернетики в Древней Индии). 2000. URL: <http://v-nalimov.ru/articles/119/473/> (дата обращения: 20.04.2013).

Пуанкаре А. Теория вероятностей. Ижевск: Ижев. респуб. тип., 1999. 280 с.

Успенский Б. А. Язык и коммуникационное пространство. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2007. 320 с.

Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: Александрия, 2007. 423 с.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С. Серебряного. СПб.: Symposium, 2005. 502 с.

Jarzębski J. Wszechświat Lema. Kraków, 2012. 320 s.

Słownik języka polskiego PWN. URL: <http://sjp.pwn.pl/> (дата обращения: 29.10.2013).

References

Eco U. Rol' chitatela. Issledovanija po semiotike teksta [Reader's role. Explorers in text semiotics].

Trans. from engl. and ital. S. Serebrjanyj. St. Petersburg: Symposium Publ., 2005. 502 p.

Eco U. Poiski sovershennogo jazyka v evropejskoj kul'ture [Search for perfect language in European culture]. St. Petersburg: Aleksndrija Publ., 2007. 423 p.

Erofeeva E. V. Veroyatnostnye struktury idiomov: sociolingvisticheskiy aspekt [The probabilistic structure of idioms: a social-linguistic aspect]. Perm: Perm State Univ. Publ., 2005. 320 p.

Gmurman V. E. Teorija veroyatnostej i matematicheskaja statistika [The probabilistic theory and mathematical statistics]: train. work. Moscow: Jurajt Publ., 2010. 479 p.

Jarzębski J. Wszecławiat Lema [Lem's universe]. Kraków, 2012. 320 p.

Kuajn U. Slovo i object [Word and object]. Moscow: Logos, Praksis Publ., 2000. 386 p.

Lem S. Fantastika i futurologija: v 2 t. [Science-fiction and futurology: in 2 vol.]. Moscow: AST Publ., 2004. Vol. 1. 591 p.

Lem S. Golem XIV [Golem XIV]. Trans. from pol. K. Dushenko. Lem S. Biblioteka XXI veka [The XXI century library]. Moscow: AST Publ., 2004. P. 303–441.

Lem S. Molokh [Moloch]. Trans. from pol. Moscow: Tranzitkniga Publ., 2005. 781 p.

Nalimov V. V. Ehtudy po istorii kibernetiki (Predtechi kibernetiki v Drevnej Indii) [Essays on cybernetics chronicles (Precursors of cybernetics in Ancient India)]. 2000. Available at: <http://v-nalimov.ru/articles/119/473> (accessed 20.04.2013).

Nalimov V. V. Veroyatnostnaja model' jazyka. O sootnoshenii estestvennykh i iskusstvennykh jazykov [A probabilistic model of language. About correlation between natural and artificial languages]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 303 p.

Nalimov V. V. Vselennaja smyslov [A universe of sense]. 1995. Available at: <http://v-nalimov.ru/articles/100/460> (accessed 20.04.2013).

Puankare A. Teorija veroyatnostej [The probabilistic theory]. Izhevsk: Izhevsk. republic. typography, 1999. 280 p.

Słownik języka polskiego PWN [PWN Polish language dictionary]. Available at: <http://sjp.pwn.pl/> (accessed 29.10.2013).

Uspenskij B. A. Jazyk i kommunikacionnoe prostranstvo [Language and communicative space]. Moscow: Russian State Humanitarian Univ., 2007. 320 p.

Volter Sobranie sochinenij: v 3 t. [Collected works: in 3 vol.] M.: RIK Rusanova – Literatura – Sigma-Press Publ., 1998. Vol. 1. 717 p.

PROBABILISTIC INTERPRETATION OF NOT PURELY REFERENTIAL TEXT

Ekaterina A. Smerdova

Post-graduate Student of General Linguistics Department
Perm State Humanitarian Pedagogical University

The article describes the tools of creation of the not purely referential text and its interpretation algorithm. The algorithm is defined as a number of subsequent actions leading to interpretation results. The algorithm is analysed on the data of Stanisław Lem's "Cyberiada" that presents a not purely referential situation [Quain 2000] in the text as a stylistic device and a product of linguistic play, which includes non-referent use of names; intertext references which are not identified by the interpreter; and creation of the text by means of genres' mash-up (a fairy-tale and philosophical narration). In the latter the not purely referential situation in the text depends on the mash-up of two genres' balancers. The reader is forced to use many ways of text interpretation that increase the not purely reference degree of the text. The interpreter prefers their own ways of interpretation that form the semantic field of the text. Each reader can chose one or few meanings, triggering the probabilistic interpretation. At the same time a non-referent sign is a new word with a referent in a possible text world. The interpreter does not have any tools and rules for interpretation of the non-referent sign, thus only the probabilistic interpretation here can be applied. The algorithm of the analysis of the not purely referential text is a number of subsequent actions, including identification of the system of interpretative filters, and creation of a referent of a non-referent sign. The interpretative filters like phonetic associations, grammar markers, and sign context use are regarded in the paper. These tools are applied for the interpretation of non-referent names. The intertext references may be identified only if the interpreter reads the reference text. If he does not, there will be no intertext in the text. If the reader models the referent of the non-referent sign, if he can identify the intertext references, they will decrease the degree of not purely referential text.

Key words: probabilistic interpretation; non-referent sign; not purely referential text; Stanisław Lem; interpretative filters; linguistic game.